

Ярослав Северцев

Первокурсник Первого меда

Мутация Вознесенского

ЛВС
Книга 2

18+

Ярослав Северцев

**Первокурсник Первого меда
Книга 2 мутация Вознесенского**

«Автор»

2026

Северцев Я.

Первокурсник Первого меда Книга 2 мутация Вознесенского /
Я. Северцев — «Автор», 2026

Артём Вознесенский перешёл на четвёртый курс. Позади — первые пациенты, первые победы и первый серьёзный успех: его уникальная способность слышать человеческое тело изнутри спасла не одну жизнь. Но у дара есть цена, и теперь её приходится платить. Профессор Ветровский выносит жёсткий вердикт: сонар разрушает мозг Артёма. Каждое включение — риск необратимых изменений. Использовать способность запрещено. Осенью Артём — обычный студент: лекции, курация, фонендоскоп, перкуссия. Никаких подсказок. Никаких «фокусов в голове».

Содержание

Первокурсник Первого Меда. Мутация Вознесенского. Книга 2	5
Глава 2. Четвертый курс и «Железный доцент»	7
Глава 3. Перкуссия против сонара	10
Глава 4. Лаборатория Радзинского: поиск блокаторов	12
Глава 5. Тени прошлого	14
Глава 6. Проверка Громова	16
Глава 7. Синдром тишины	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ярослав Северцев

Первокурсник Первого меда

Книга 2 мутация Вознесенского

Первокурсник Первого Меда.

Мутация Вознесенского. Книга 2

Глава 1. Вердикт Ветровского

В кабинете профессора Ветровского на третьем этаже Института мозга человека РАН царил стерильная лабораторная тишина. Здесь не пахло формалином, как в родном Первом меде, или застарелой кровью приемного покоя Мариинской больницы. Воздух был сухим, кондиционированным, с легким запахом озона и пластика медицинской аппаратуры.

— Посмотри на этот сектор, Артем, — Ветровский постучал пальцем по матовому экрану, где были выведены послойные снимки функциональной МРТ головного мозга Вознесенского.

Алина, сидевшая на соседнем стуле, подалась вперед и сильнее сжала его ладонь. Ее сердце билось чаще обычного — около девяноста ударов в минуту. Артем слышал этот ритм слишком отчетливо и понимал: она напугана.

— Это слуховая кора, — продолжил профессор, переводя взгляд с экрана на Артема. — Здесь обрабатывается большая часть информации, которую получает твой мозг. При обычном акустическом раздражении картина совсем другая. Но когда ты... как ты это называешь, «включаешь сонар»... мы видим аномально сильную активацию. Намного выше той, что должна возникать при обычной обработке звука.

Ветровский выключил экран. Кабинет сразу стал темнее — за высоким арочным окном уже сгустились серые питерские сумерки.

— Твой мозг не выдерживает такой нагрузки, Вознесенский, — сухо произнес нейрофизиолог. — Мы думали, что твоя синестезия — просто необычное переплетение нейронных связей. Но процесс прогрессирует. Каждый раз, когда ты улавливаешь свист крови сквозь разорванную стенку аорты или считаешь экстрасистолы без фонендоскопа, слуховая кора работает на пределе. Такая гиперактивация может приводить к повреждению нейронов. И судя по динамике твоих обследований, это уже перестало быть безобидной особенностью.

— И какой прогноз?

Артем спросил спокойно, хотя в груди неприятно сжалось. Он заставил себя держаться за факты.

— Если продолжишь в том же духе, последствия могут стать необратимыми, — Ветровский сел за стол. — Сначала начнешь хуже различать тонкие шумы. Дальше возможны стойкое повреждение слуховой системы, судорожный синдром. Что будет после этого, я прогнозировать не возьмусь. Но твой дар имеет очень конкретную цену, Артем. И платить придется собственным мозгом.

Пальцы Алины сильнее сжали его ладонь.

— Папа говорил, что есть экспериментальные протоколы... — тихо произнесла она.

— Игорь Владимирович — кардиохирург, Алина. Он привык менять изношенные клапаны на механические протезы. В нейрофизиологии все несколько сложнее. Мы не можем заменить Артему височные доли. Единственное, что можем сделать прямо сейчас, — полностью запретить использование сонара.

Профессор посмотрел на Артема поверх круглых очков.

— С осени ты обычный студент четвертого курса. Ходишь на лекции, учишь топографическую анатомию, проходишь факультетскую терапию. Пользуешься фонендоскопом, пальпацией и перкуссией. Если я узнаю, что ты снова полез спасать человека с помощью своего «эхолота», я поставлю вопрос об отстранении тебя от клинической практики до полного обследования. Студент с такими изменениями не должен рисковать ни собой, ни больными. Условия понятны?

— Понятны, Петр Александрович, — ответил Артем.

Под курткой неприятно заняло левое плечо, на котором после нападения остался глубокий рубец.

Через десять минут они вышли из тяжелых дубовых дверей Института мозга человека на залитую холодной моросью улицу Академика Павлова. Низкое небо цеплялось за верхушки старых лип, воздух пах мокрым гранитом и речной сыростью.

Алина молчала всю дорогу до метро. Только когда они спустились на «Петроградскую» и остановились на платформе, она повернулась к нему.

— Ты ведь не сможешь, да?

— Чего именно я не смогу, Алин?

Артем попытался усмехнуться, но по ее лицу понял, что шутка сейчас не пройдет.

— Не сможешь пройти мимо, если кому-то станет плохо. Будешь стоять, смотреть, как человек умирает, и помнить, что Ветровский запретил тебе включать сонар?

Из тоннеля с грохотом вылетел поезд, обдав их теплым воздухом, пахнувшим креозотом и металлической пылью.

Грохот тут же разложился в восприятии Артема на тяжелые фиолетовые полосы. В висках поднялась знакомая пульсация. Он зажмурился, пережидая приступ тошноты, который в последнее время все чаще сопровождал сильные звуковые перегрузки.

Когда они вошли в полупустой вагон, Артем усадил Алину рядом с собой и обнял за плечи.

— Нам придется научиться, — тихо сказал он, слушая быстрый стук ее сердца. — На третьем курсе Шестаков сказал, что я наконец научился не спешить с выводами. Теперь придется научиться быть просто врачом. Обычным первокурсником Первого меда. Без всяких фокусов в голове.

Глава 2. Четвертый курс и «Железный доцент»

Первый понедельник сентября встретил Артема Вознесенского пронизывающим ветром с Карповки и низким серым небом. Студенты четвертого курса перешагнули невидимую границу: теперь учебные аудитории почти полностью сменились больничными палатами, запахом антисептика и шуршанием колес каталок.

Артем стоял в коридоре третьего этажа перед лекционным залом кафедры факультетской терапии и застегивал пуговицы белого халата. Левое плечо двигалось свободно, но шрам под рубашкой ныл в сырую погоду.

Рядом стояла Алина. Она то и дело поглядывала на него, словно проверяя, выполняет ли он требование профессора Ветровского.

— Помни, что обещал, — тихо сказала она, поправляя воротник его халата. — Никакого сонара. С твоей головой мы разберемся, но только если ты сам перестанешь себя выжигать.

— Я помню, Алин. Сегодня я обычный студент. Обычный четверокурсник. Учусь слушать ушами, а не мозгом.

Двери лекционного зала распахнулись, и староста потока скомандовал занимать места. Студенты хлынули внутрь, заполняя амфитеатр. Зашуршали тетради, защелкали ручки, по рядам прокатился нервный смех.

Артем намеренно удерживал восприятие в привычных теперь рамках, не позволяя сонару разворачивать звуки в объемные картины чужих организмов. Даже такой контроль требовал постоянного усилия.

Шум стих, когда к кафедре вышел мужчина лет сорока пяти. Высокий, подтянутый, в безупречно отутюженном халате поверх темно-серого костюма. Светлые глаза за тонкими стеклами очков спокойно скользнули по аудитории.

На табличке перед ним значилось: «Илья Борисович Шварц, доцент кафедры факультетской терапии».

Артем подобрался. Фамилия была знакомой. Недавно он помог диагностировать редкую острую порфирию у бизнесмена Генриха Шварца. Совпадение фамилий на секунду сбilo с толку.

— Доброе утро, коллеги. Четвертый курс — это рубеж, на котором заканчиваются ваши детские игры в пропедевтику. Факультетская терапия не прощает приблизительности. Вы пришли сюда не для того, чтобы угадывать диагнозы, опираясь на интуицию.

Шварц сделал паузу и посмотрел прямо на третью парту, где сидел Артем.

— Медицина основана на клинических данных, лабораторных показателях и инструментальной диагностике. Любая попытка подменить знания догадками у постели больного будет расцениваться как профессиональная ошибка. Мне безразличны ваши прошлые рекорды, стобалльные аттестаты и стипендии благотворительных фондов. Для меня вы все начинаете с нуля.

Под столом Алина сжала руку Артема.

Намек был слишком прозрачным.

— А теперь перейдем к теме занятия, — продолжил Шварц. — Хроническая сердечная недостаточность. Систолическая и диастолическая дисфункция. Староста, ведите поток в демонстрационную палату. Посмотрим, насколько теория соотносится с практикой, когда перед вами живой пациент.

Через пять минут группа уже стояла у постели пожилого мужчины в палате № 12. Пациент полусидел на высоких подушках и тяжело дышал. Кожа была серовато-бледной, губы слегка синюшными. На прикроватной тумбочке стоял стакан с водой и лежали раскрытые блистеры с мочегонными препаратами.

— Пациент Козлов, шестьдесят два года, — сообщил Шварц, листая историю болезни. — Поступил с жалобами на прогрессирующую одышку при минимальной физической нагрузке, отеки нижних конечностей и тяжесть в правом подреберье. В анамнезе — многолетняя артериальная гипертензия и инфаркт миокарда три года назад.

Доцент закрыл папку.

— Вознесенский, прошу к пациенту. Проведите физикальное обследование сердечно-сосудистой системы и определите характер нарушений гемодинамики. Мне нужны конкретные данные.

Артем шагнул вперед.

Привычное желание включить сонар возникло почти автоматически. Несколько секунд — и он услышал бы работу перегруженного миокарда, турбулентное движение крови, изменения внутри камер сердца.

Но в памяти тут же прозвучал голос Ветровского:

«Каждый раз слуховая кора работает на пределе».

Артем взял фонендоскоп, согрел мембрану пальцами, как когда-то учил Громов, наклонился к пациенту, вставил оливы в уши и приложил мембрану в пятом межреберье по левой среднечленичной линии — в области верхушки сердца.

Без сонара звук казался непривычно плоским. Мешали шаги студентов, гул лифта в коридоре, тяжелое дыхание самого Козлова.

Артем попытался сосредоточиться.

Тоны сердца были ослаблены. Ритм оставался правильным, в систолу прослушивался мягкий дующий шум.

Митральная регургитация? Относительная недостаточность из-за дилатации желудочка?

Артем переставил мембрану во второе межреберье справа от грудины. Там тоны были еще тише.

Шварц посмотрел на часы.

Среди студентов прошел шорох.

Артем почувствовал, как на лбу выступил пот. Не от сонара — от непривычного ощущения, что теперь ему приходится искать то, что раньше он замечал почти сразу.

Закончив аускультацию, он перешел к перкуссии. Левая граница относительной сердечной тупости оказалась заметно смещена кнаружи.

Артем выпрямился.

— Тоны сердца резко ослаблены во всех точках аускультации. На верхушке выслушивается мягкий систолический шум с проведением в левую подмышечную область. Ритм правильный, тахикардия около девяноста пяти ударов в минуту. Левая граница относительной сердечной тупости смещена кнаружи. Клиническая картина соответствует хронической сердечной недостаточности, вероятно, с систолической дисфункцией левого желудочка на фоне перенесенного инфаркта.

Шварц взял у него фонендоскоп и приложил к груди Козлова.

Слушал недолго.

— Поверхностно, Вознесенский. Вы пропустили отчетливый третий тон — протодиастолический ритм галопа. В данном случае он указывает на выраженную объемную перегрузку левого желудочка и снижение сократительной способности миокарда.

Он вернул Артему фонендоскоп.

— Остальное вы определили верно. Но вы слишком быстро перешли от данных к заключению. Не спешите с выводами, Вознесенский.

Артем напрягся.

Почти теми же словами в конце прошлого курса Шестаков его хвалил.

— Сегодня за клинический разбор — неудовлетворительно. К следующему занятию повторите семиотику сердечной недостаточности и пороков сердца. Посмотрим, что вы услышите в следующий раз.

Артем вернулся к остальным студентам. Алина снова сжала его руку.

На другом конце группы Глебов усмехнулся, переглянувшись с приятелем. Для тех, кто давно ждал провала Вознесенского, повод наконец появился.

После занятия студенты направились к раздевалкам, а Артем задержался в коридоре, прислонился спиной к прохладной кафельной стене и закрыл глаза. В висках начинала стучать мигрень.

Предвзятость Шварца ничего не меняла: без сонара Артем действительно пропустил третий тон.

И если он собирался стать врачом, теперь придется научиться слышать такие вещи без сонара.

Глава 3. Перкуссия против сонара

Всю следующую неделю Артему Вознесенскому не давала покоя двойка, выставленная Ильей Борисовичем Шварцем. За сухую манеру, жесткие требования и полное отсутствие поблажек студенты уже успели прозвать его «Железным доцентом». Хуже всего было то, что слухи о провале разошлись быстро. На переменах за спиной Артема то и дело слышался шепот:

— Слышал? Вознесенский-то сдулся. Без своих фокусов обычный троечник.

Глебов и его компания из числа бывших приятелей Кирилла Токарева торжествовали открыто. В раздевалке они нарочно громко обсуждали, что «гения наконец-то вывели на чистую воду».

В четверг утром группа № 102 снова собралась в коридоре кафедры факультетской терапии. Здесь пахло хлорамином и дешевым растворимым кофе из ординаторской.

— Сегодня у нас курация больных с пороками сердца, — объявил Шварц, выходя к студентам. Его халат, как всегда, был безупречно отутюжен, а взгляд за стеклами очков не обещал ничего хорошего. — Студент Вознесенский, к доске. Точнее — к кушетке. Палата номер четырнадцать.

Группа двинулась за доцентом. Артем шел, чувствуя нарастающее напряжение. В кармане халата лежал новенький, купленный на последние деньги фонендоскоп Littmann. Накануне он допоздна тренировался на Игоре, своем соседе по общежитию, пытаясь выслушать хотя бы физиологическое расщепление второго тона. Но в тихой комнате общаги все казалось проще, чем в гулких стенах клиники.

В палате № 14 на кровати сидела женщина лет пятидесяти пяти с характерным багрово-синюшным румянцем на щеках — *facies mitralis*. Она тяжело дышала, ловя ртом воздух, шейные вены заметно пульсировали.

— Пациентка Иванова, — Шварц сложил руки на груди. — Поступила с жалобами на одышку в покое, кровохарканье и перебои в работе сердца. Из анамнеза: в детстве перенесла ревматическую лихорадку. Вознесенский, ваше задание — провести перкуссию границ сердца, определить конфигурацию сердечной тупости и сопоставить ее с данными аускультации. Нам нужны факты, а не озарения.

Артем подошел к кушетке. Пациентка посмотрела на него усталыми глазами.

«Запусти импульс. Всего один короткий импульс сонара. Ты же сразу услышишь этот чертов порок. Услышишь, как кровь пробивается через суженное митральное отверстие...»

Артем зажмурился. В висках отозвалась тупая боль, напомнив о вердикте Ветровского. Перед глазами возникло бледное лицо Алины в кабинете Института мозга.

«Нет. Я сам. Руками.»

Он положил левую ладонь-плессиметр на грудную клетку пациентки параллельно искомой границе. Правым указательным пальцем нанес короткий удар по средней фаланге.

«Тук. Тук. Тук.»

Звук был ясным, легочным. Артем перемещал палец-плессиметр справа налево по четвертому межреберью, приближаясь к краю грудины.

«Тук. Тук. Тп...»

Звук притупился.

— Правая граница — в четвертом межреберье на один сантиметр кнаружи от правого края грудины, — произнес Артем.

— Допустим, — отозвался Шварц, делая пометку в блокноте. — Дальше. Левая граница.

Артем переместил руку в пятое межреберье и начал перкутировать от левой передней подмышечной линии по направлению к грудины. Шум в палате мешал сосредоточиться. За

окном с грохотом проехал грузовик, кто-то из студентов вздохнул. Пальцы стали влажными от волнения.

«Тук. Тук. Тп...»

— Левая граница — в пятом межреберье на полтора сантиметра кнутри от левой среднеключичной линии. Норма.

Артем выпрямился.

— Теперь определите верхнюю границу и конфигурацию, Вознесенский, — сказал Шварц, подходя ближе. — Не торопитесь.

Артем начал перкутировать по левой парастернальной линии сверху вниз. Звук притупился уже в третьем межреберье. Затем он проверил третье межреберье слева — тупость выходила за край грудины.

В голове складывалась знакомая схема: расширение сердца вверх за счет левого предсердия, сглаженная талия сердца.

— Конфигурация сердца митральная, — сказал Артем. — За счет дилатации левого предсердия.

— Хорошо. Теперь аускультация. Подтвердите свои выводы.

Артем вставил оливы фонендоскопа в уши и приложил мембрану к верхушке сердца.

Ритм был неправильным. Удары шли беспорядочно.

Первый тон — громкий, хлопающий. Сразу после второго, в начале диастолы, слышался короткий щелчок открытия митрального клапана. Следом тянулся низкий рокочущий диастолический шум.

Артем слушал почти минуту, забыв про Шварца и стоявшую за спиной группу. Без сонара рокот казался далеким, но Артем слышал его сам — обычным слухом.

— На верхушке сердца выслушивается громкий хлопающий первый тон, — сказал он, снимая фонендоскоп. — В диастоле определяется щелчок открытия митрального клапана и рокочущий диастолический шум. Ритм неправильный — абсолютная аритмия. Синдромальный диагноз: митральный стеноз, осложненный фибрилляцией предсердий.

В палате стало тихо.

Шварц подошел к пациентке, взял историю болезни и открыл страницу с результатами эхокардиографии.

— Площадь митрального отверстия — один и два квадратных сантиметра. Выраженный стеноз. Кальциноз створок.

Он посмотрел на Артема. Тон стал чуть менее жестким.

— Порок вы определили правильно, Вознесенский. Но левую границу сердца при перкуссии определили неточно. Вас выручила характерная аускультативная картина митрального стеноза — ее трудно не узнать.

Шварц закрыл историю болезни.

— Сегодня — «четыре». Вы начинаете понимать, что такое настоящая пропедевтика. На следующем занятии разберем осложнения.

Артем кивнул и отошел к группе. Руки слегка дрожали.

Четверка.

Первая четверка, которой он радовался больше, чем многим прошлым пятеркам. Он заработал ее сам — без сонара и без риска для собственного мозга. Перкуссией, фонендоскопом и собственными знаниями.

Но вечером, выходя из терапевтического корпуса, Артем заметил у входа знакомый силуэт.

Кирилл Токарев стоял возле дорогого внедорожника. Подходить он не стал.

Только смотрел вслед Артему, пока тот не вышел за ворота.

Глава 4. Лаборатория Радзинского: поиск блокаторов

Пятничный вечер опустился на Петроградскую сторону плотным туманом, пахнувшим сырым гранитом и близкой невиской водой. Желтые диски фонарей едва пробивали серую морось над внутренним двором Первого меда.

Артем Вознесенский сидел в полумраке лаборантской кафедры нормальной физиологии, прижав ладонь к левому виску. Внутри черепа тупо и тяжело ворочалась знакомая мигренозная боль. После тяжелого клинического разбора у Шварца мозг никак не желал успокаиваться. Внешние шумы — дребезжание старого холодильника в углу, капли дождя, стучащие по отливу, шаги на лестнице — воспринимались обостренно, болезненно, словно кто-то выкрутил регулятор громкости в его голове на максимум.

— Еще один замер, Артем. Потерпи, — тихо произнесла аспирантка Елена, поправляя на его голове эластичную шапочку с десятками электродов электроэнцефалографа.

Ее сердечный ритм в восприятии Артема пробивался сухим, монотонным стуком — ровным, без единого сбоя.

В углу лаборатории, за столом, заваленным распечатками графиков и старыми монографиями по нейрофармакологии, сидел профессор Леонид Степанович Радзинский.

— Хватит мучить парня, Лена. Снимай датчики. Мы и так видим ненормальную реакцию на акустическую нагрузку. Его мозг не просто слышит — он словно постоянно ждет сигнала, даже когда Артем сознательно пытается подавить сонар.

Елена аккуратно сняла шапочку, и Артем облегченно вздохнул, массируя пальцами покрасневшую кожу на лбу.

— Петр Александрович Ветровский прислал нам обновленные данные из Института мозга, — Елена положила перед профессором прозрачную папку. — Динамика плохая. Каждое неконтролируемое включение сопровождается резкой гиперактивацией слуховых зон. Если ничего не делать, риск необратимых изменений будет только расти.

— Значит, надо заглушить эту штуку, не заглушив вместе с ней самого парня, — Радзинский снял очки и потер переносицу. — Обычная тяжелая седативная схема нам не подходит. Если подавим центральную нервную систему целиком, толку от такого лечения будет немного. Нужен препарат, который снизит возбудимость достаточно, чтобы сонар перестал включаться, но оставит Артему возможность нормально думать и работать.

Елена повернулась к стеклянному шкафу, где в строгом порядке стояли темные флаконы с лабораторными шифрами.

— Мы подготовили экспериментальную схему, Леонид Степанович. Теоретически она должна снизить фоновую возбудимость слуховых зон и поднять порог, при котором запускается сонар.

Она достала небольшой флакон из темного стекла с белой наклейкой «Х-4» и набрала в шприц прозрачный раствор.

— Ну что, Вознесенский? — Радзинский посмотрел на Артема поверх очков. — Готов временно стать обычным смертным? Если расчет верный, препарат должен подавить твой эхолот примерно на двенадцать часов. Но как мозг отреагирует на резкое изменение привычного восприятия, мы пока не знаем.

— Вводите, Елена, — Артем коротко кивнул и закатал рукав халата. — Завтра у меня утреннее дежурство в Мариинке, в приемном покое. Я должен быть уверен, что сонар не включится сам, если привезут тяжелого пациента. Я обещал Алине.

Игла мягко вошла под кожу плеча. Раствор отозвался легким жжением.

Первые двадцать минут ничего не происходило. Артем по-прежнему слышал далекий гул трамвая на Большом проспекте и тихий шелест страниц, которые перелистывал Радзинский. Но затем мир вокруг начал менять свою звуковую плотность.

Густой рокот холодильника вдруг стал плоским, обычным скрежетом металла. Шаги Елены по линолеуму утратили объем — Артем больше не «видел» натяжение сухожилий голеностопа.

И самое страшное — ритм сердца Елены начал отдаляться, слабеть, пока полностью не растворился в навалившейся тишине.

Артем резко вскочил со стула. Пол под ногами на секунду качнулся. Голову сдавило невидимым обручем, к горлу подступила тяжелая тошнота.

— Артем, спокойно, — Елена подхватила его под локоть. — Не вставай резко. Мозгу нужно перестроиться. Ты слишком долго ориентировался на то, чего у обычного человека вообще нет. Дыши ровно. Медленный вдох... выдох.

Артем стоял, вцепившись пальцами в край стола. Мир вокруг него стал абсолютно плоским. Звуки больше не имели цвета, формы, плотности и происхождения. Они стали просто звуками — такими, какими их слышали остальные люди.

— Как ты? — Радзинский подошел ближе, внимательно вглядываясь в его побледневшее лицо.

— Чувствую себя... слепым, Леонид Степанович, — хрипло выдохнул Артем, пытаясь сглотнуть вязкую слюну. — В голове пусто.

— Это не слепота, парень. Это то, как живут остальные, — произнес профессор, кладя руку ему на плечо. — Привыкай. Завтра в клинике тебе придется полагаться только на глаза, руки и фонендоскоп. Никаких подсказок. Вот и проверишь себя в реальном деле.

Дверь лаборатории тихо приоткрылась, и в комнату вошла Алина. Она была в промокшем плаще, с зонтом, с которого на линолеум стекали крупные капли. Ее серые глаза сразу остановились на побледневшем лице Артема.

Она поставила зонт в угол и быстро подошла к нему, взяв за руки. Артем посмотрел на нее. Впервые за долгое время он не услышал привычный ритм ее сердца.

Было только ее теплое дыхание и прикосновение прохладных пальцев.

— Вы уже ввели препарат? — тихо спросила Алина, переводя взгляд на Елену.

— Да. X-4 уже действует, — кивнула аспирантка, выключая приборы. — Блокада почти полная. Если все пойдет по расчетам, к утру эффект сохранится. Но сегодня ему лучше не оставаться одному. Координация пока нарушена, организм адаптируется.

Алина повернулась к Артему и заглянула ему в глаза. Она взяла его лицо в ладони, заставляя посмотреть на себя.

— Твоя голова... этот препарат... — прошептала она.

— Все хорошо, Алин, — он попытался улыбнуться, но губы казались чужими, ватными. — Зато сонар теперь точно не включится сам. Я просто... обычный человек. Дай мне руку. Пойдем в общежитие.

Они вышли под проливной питерский дождь. Артем шел по мокрому асфальту Большой Монетной, чувствуя себя невероятно уязвимым. Мир вокруг грохотал автомобильными сигналами, хлопанием дверей и криками прохожих, но весь этот хаос теперь оставался снаружи, не проникая внутрь черепа.

Завтра утром в приемном покое Мариинской больницы Артему Вознесенскому предстояло пройти первое дежурство в условиях непривычной тишины.

И он понятия не имел, поможет ему эта тишина — или помешает.

Глава 5. Тени прошлого

Субботнее утро в Мариинской больнице всегда начиналось одинаково — с тяжелого, застарелого запаха мокрой половой тряпки и хлорной извести, к которому примешивался сладковатый запах разваренной овсянки из столовой. Приемное отделение, расположенное в старом корпусе на Литейном проспекте, представляло собой вечно кипящий, хмурый распределитель человеческого несчастья. Сюда, за массивные деревянные двери с облупившейся краской, город круглосуточно выплескивал свои болезненные тайны.

Артем Вознесенский заступил на смену в восемь утра. Вместо привычного халата на нем была жесткая синяя хирургическая куртка с короткими рукавами и потемневшие от времени ортопедические сабо, перекупленные у старшекурсника, которого весной отчислили. Действие экспериментальной субстанции «Х-4» профессора Радзинского закончилось еще на рассвете, оставив после себя жуткую сухость во рту и глухую, давящую боль за глазницами.

Сонар вернулся. Но Артем, помня о предупреждении Ветровского и заплаканных глазах Алины, стискивал зубы и держал свой дар на коротком поводке, не позволяя внутреннему эхолоту разворачиваться в полную силу.

— Вознесенский, не спать на посту! Забирай каталку, в третьем боксе дед «затяжелел», нужно срочно на КТ везти, — гаркнула старшая сестра приемного покоя, дородная Тамара Ивановна, швыряя на стол пачку незаполненных историй болезни.

— Уже иду, Тамара Ивановна, — Артем перехватил холодные металлические поручни тяжелой каталки.

Звуки вокруг рассыпались привычной многослойной мозаикой, но он заставлял себя слушать их только ушами. Гул вентиляции под потолком, шарканье тапочек по выщербленному кафелю, далекий надсадный кашель в коридоре — все это шло серым фоном.

Следующие несколько часов превратились в сплошной, изнуряющий марафон. Приемный покой Мариинки не знал деликатности. Артем таскал на носилках грузных, пахнущих перегаром бездомных с трофическими язвами, от которых по смотровой разносился тяжелый сладковато-гнилостный запах. Он придерживал бьющегося в судорогах эпилептика, пока дежурный врач пытался попасть иглой в вену. Пальцы Артема сводило от нагрузки, а спину ломало от постоянного наклона.

Около двух часов дня, когда поток «скорых» ненадолго иссяк, Артем вышел на служебный пандус приемного покоя немного проветриться. Моросило. Ледяные капли падали на его разгоряченное лицо, смешиваясь с потом. Литейный проспект глухо шумел за высокими коваными воротами больничного двора, разрезая серый питерский туман воем сирен и клаксонами стоящих в пробке машин.

Артем прислонился спиной к кирпичной стене и закрыл глаза. Голова гудела. Постоянный контроль над сонаром требовал все больше усилий, и к середине смены он чувствовал себя выжатым, как мокрый марлевый бинт.

Вдруг ровный городской шум прорезал резкий, надрывный визг тормозов.

Большой лаково-черный внедорожник с тонированными стеклами резко затормозил прямо у служебных ворот. Хлопнула тяжелая дверь.

Артем открыл глаза и невольно подобрался. Из машины вышел парень в дорогом шерстяном пальто графитового цвета, с идеально уложенными волосами. В его руке был стакан с кофе, а на запястье тускло блеснули швейцарские часы — те самые, которые Артем запомнил еще с первого дня в приемной комиссии.

Кирилл Токарев. Сын отстраненного декана, сам находившийся под следствием, стоял всего в десяти метрах от Артема.

Он не пытался пройти на территорию больницы, но его появление здесь, у служебного входа, где Артем дежурил каждую субботу, не походило на случайность.

Автоматически, прежде чем Артем успел выставить ментальный блок, сонар сорвался с привязи и сфокусировался на фигуре Токарева.

Внутренний слух мгновенно уловил ритм его сердца. Кирилл был явно напряжен: сердце колотилось часто и неровно. Но отчетливее всего проступал знакомый сухой щелчок в середине систолы, который Артем помнил еще по прошлым встречам.

Он тут же заставил себя оборвать сонар.

Токарев сделал глоток кофе, медленно повернул голову и посмотрел прямо на Артема. Его лицо заметно осунулось, но усмешка осталась прежней.

Он не кричал и не сыпал угрозами. Просто смотрел.

От этого становилось только тревожнее.

Кирилл медленно сжал пластиковый стаканчик в руке, бросил его возле машины и еще несколько секунд не сводил глаз с Вознесенского. Затем сел обратно во внедорожник. Дверь захлопнулась с глухим стуком, двигатель взревел, и машина растворилась в сыром мареве Литейного проспекта.

Артем остался стоять на пандусе. Виски прошла острая, игольчатая боль — короткого самопроизвольного включения хватило, чтобы мигрень вернулась.

— Вознесенский! Ты чего там застрял, ворон считаешь? — из дверей высунулся заспанный фельдшер Михалыч, на ходу натягивая резиновые перчатки. — Давай внутрь, там со второй палаты мужика на операцию переводят, хирурги зовут. Помоги переложить.

— Иду, Михалыч.

Артем сделал глубокий вдох и шагнул в душное, пахнущее лекарствами нутро приемного покоя.

Зачем Токарев вообще приезжал, Артем не понимал. Появился у служебного входа, несколько секунд молча смотрел на него — и уехал. Это было слишком странно даже для Кирилла.

Глава 6. Проверка Громова

Профессор Игорь Владимирович Громов принимал пациентов в своем консультативном кабинете на четвертом этаже клиники госпитальной хирургии. Этот кабинет, в отличие от приемного покоя Мариинки, словно принадлежал другой эпохе: высокие книжные шкафы из мореного дуба, забитые монографиями на немецком и латыни, тяжелые портьеры, гасившие уличный шум, и едва уловимый запах дорогого табака и спиртового антисептика.

Громов сидел за массивным столом. Из-под расстегнутого ворота его безупречно белой сорочки виднелся край длинного рубца после стернотомии — след экстренной замены аортального клапана.

Артем стоял перед ним, держа в руках стопку амбулаторных карт. Даже не включая сонар, он различал знакомый металлический щелчок протеза в груди профессора. Вместо прежнего грязного, пронзительного свиста аортальной регургитации теперь в ритм сердца Громова вплелся жесткий звук механического клапана.

— Садись, Вознесенский, — Громов не поднял головы от истории болезни, делая размашистые записи перьевой ручкой. — Хватит стоять над душой, как ординатор перед обходом.

Артем опустил на жесткий стул напротив.

Профессор отложил ручку, снял очки в роговой оправе и внимательно посмотрел на него. Взгляд сразу остановился на глубоких тенях под глазами, бледности и легком треморе пальцев, который Артем безуспешно пытался скрыть, сжав ладони в замок.

— Алина сказала, что вы были у Ветровского в Институте мозга, — Громов откинулся на спинку кресла. — И что Петр Александрович выдал тебе путевку в тихую жизнь. Это правда?

— Правда, Игорь Владимирович, — Артем отвел взгляд в окно, за которым моросил холодный дождь. — Аномальная гиперактивация слуховой коры. Риск необратимого повреждения. Ветровский считает, что если я продолжу использовать сонар, последствия могут стать серьезными.

— И ты решил, что теперь ничего не можешь?

Артем резко поднял голову.

— Я так не говорил. Но я не могу игнорировать...

— Послушай меня, сынок, — перебил его Громов, и ладонь тяжело легла на дубовый стол. — То, что ты сейчас перешел на четвертый курс, не делает тебя профессором. Ты получил уникальный инструмент, который вывернул твою жизнь наизнанку. Теперь выяснилось, что пользоваться им опасно. Прекрасно. Значит, пока Ветровский не разрешит обратного, не пользуешься.

Артем молча смотрел на него.

Громов встал, подошел к окну и заложил руки за спину. Черный кардиган туго обтягивал его широкие плечи.

— Запрет на сонар — это не запрет быть врачом, Артем. Вот это ты почему-то начал путать. Получил двойку у Шварца — и сразу решил, что без своей способности ты слепой и беспомощный.

— Я так не решил.

— Тогда перестань выглядеть так, будто тебе ампутировали половину мозга.

Артем сжал челюсть.

Громов повернулся к нему.

— Ветровский прав: сонаром должен управлять ты, а не он тобой. А пока управлять им безопасно ты не можешь — работаешь без него. Учишь клинику. Топографическую анатомию. Перкуссию. Аускультацию. У тебя есть глаза, руки, голова и три года медицинского образования. Или все это тоже перестало работать?

— Нет.

— Вот и отлично.

Профессор вернулся за стол.

— Если Ветровский сказал не использовать сонар — значит, не используешь. Но превращаться из-за этого в человека, который заранее уверен, что без своей способности ничего не увидит, я тебе не позволю. Если увижу, что опустил руки, сам отправлю тебя обратно в Галич. Тебе понятны условия, Вознесенский?

— Понятны, Игорь Владимирович, — Артем выпрямился.

Несмотря на давящую боль за глазами, внутри снова просыпалось знакомое упрямство. Только теперь направлено оно было не против Токаревых, преподавателей или обстоятельств, а против собственной привычки полагаться на сонар.

— Вот и отлично, — Громов пододвинул к нему верхнюю амбулаторную карту. — А теперь бери фонендоскоп. В коридоре сидит пациент с жалобами на боли в животе и ощущение пульсации. Проведешь осмотр, пальпацию, аускультацию. Никуда не торопишься и ничего себе не дорисовываешь. Потом доложишь мне, что нашел.

Артем взял карту, кивнул и вышел в коридор.

Глава 7. Синдром тишины

В следующую среду Артем Вознесенский принял первую полную дозу экспериментального нейромодулятора «Х-4», разработанного в лаборатории Радзинского. Аспирантка Елена скорректировала состав препарата, пытаясь уменьшить побочную тошноту и головокружение.

Артем проглотил две небольшие капсулы серого цвета в семь часов утра, прямо в комнате общежития на Большой Монетной, запив их глотком остывшего чая. Игорь, его сосед-стоматолог, в это время судорожно зазубривал ортопедические конструкции, шумно ворочаясь на прогибающейся сетке кровати.

Блокада наступила примерно через сорок минут, когда Артем уже подходил к воротам Мариинской больницы.

Это ощущение нельзя было сравнить с обычной тишиной. Мир не просто замолчал — он словно утратил третью координату, став плоским, двухмерным рисунком. Артем шел по коридору приемного покоя, и его шаги не порождали в сознании привычного акустического ответа. Он не чувствовал плотности бетонных перекрытий над головой, не улавливал вибрацию труб отопления в стенах.

И самое страшное — он больше не слышал людей. Мимо проходили медсестры, врачи, санитары, но их тела в его восприятии стали беззвучными тенями. Никакого движения крови, никакого трепетания клапанов, никакого шелеста легких. Только плоский шум голосов и шарканье обуви.

Голова казалась налитой свинцом. Артему то и дело чудилось, что пол под ногами слегка уходит в сторону, а при резком повороте к горлу подкатывала тошнота. Организм явно не собирался принимать новое состояние без сопротивления.

— Вознесенский, в шестой смотровой мужчина, доставлен «скорой» с улицы, — крикнул Михалыч, пробегая мимо с лотком. — Давление падает. Дежурный хирург сейчас занят. Посмотри пока, а я врача найду.

Артем зашел в шестую смотровую. На кушетке лежал мужчина лет сорока пяти в грязной рабочей куртке. Его лицо было пепельно-серым, покрытым крупными каплями липкого пота. Он находился в сопорозном состоянии и тихо, прерывисто стонал на выдохе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.